

ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ИСКУССТВА: ВЗГЛЯД НАБЛЮДАЮЩЕГО
Д. В. Кузнецов

TEMPORAL RELATIONS IN A WORK OF ART: IN THE EYE OF THE BEHOLDER
D. V. Kuznetsov

Поскольку любая грамматическая категория предоставляет автору речевого произведения вариативные формы, избираются они под воздействием антропофактора, т. е. грамматика является личностно обусловленной. Грамматическая схема описываемой в речи ситуации зависит от существующей у автора картины мира.

As any grammatical category provides variable forms for the author of a speech act, they are selected under the influence of human factor. Thus, grammar is personality dependent. Grammatical scheme of the situation described in speech is determined by the author's picture of the world.

Ключевые слова: лингвоперсонология, языковая личность, грамматическое время, ретроспекция, simultaneity, прогностика.

Keywords: linguistic personology, linguistic person, tense, retrospection, simultaneity, prognostics.

Антропоцентрические тенденции в современном языкознании отражаются в появлении все большего числа исследований, фокусирующих внимание на homo ludens – человеке говорящем. Данный процесс не случаен: во всех областях освоения и познания действительности возрастает роль языка – универсального средства овладения миром. Язык, являясь средством накопления, хранения, переработки и передачи информации, становится двигателем прогресса человечества. Индивидуальные речевые характеристики, рассматриваемые через призму типовых, позволяют вскрыть особенности существующей в сознании автора речевого произведения картины мира, а также предполагать закономерности ее формирования.

Связь языка и речи можно представить как находящуюся в отношениях гомоморфизма со связью общества и отдельного человека. Язык как кодирующая система предстает на практике в бесчисленном множестве частных проявлений, так же как социум – собирательное множество – в индивидуальных реализациях. «Языковое сознание нации, формируемое потенциалом языковой системы, позволяет представить языковой коллектив как некую совокупность личностей, наделенных номинально одинаковой способностью речепроизводства» [12, с. 10]. Следует выделить слово «номинально», благодаря которому акцент ставится на неравенстве речевых способностей. Именно благодаря данному различию речь предстает в многообразии вариантов, языковой коллектив – как группа индивидуальностей, обладающих уникальными характеристиками, ср.: «сущностью языка является человеческая деятельность – деятельность одного индивида, направленная на передачу его мыслей другому индивиду, и деятельность этого другого, направленная на понимание мыслей первого. Если мы хотим понять природу языка и, в частности, ту его область, которая изучается грамматикой, мы не должны упускать из виду упомянутых двух людей – производящего и воспринимающего речь...» [7, с. 4].

В своей работе 1964 г. «О кодовых переходах во внутренней речи» Н. И. Жинкин называет язык «транспортером» мысли, а речь – его реализатором, утверждая, что речь содержит неизмеримо больше инфор-

мации, чем язык. Такая информация включает в себя данные о языке, о той части действительности, о которой говорится в речи, и, наконец, о говорящем человеке во многих аспектах. «В языке нет мыслей, они находятся в речи. <...> Проблема состоит в том, чтобы исследовать стык между языком и речью, узнать, в какой форме зарождается у человека мысль и как она реализуется в речи» [8, с. 28]. Продолжая данную мысль, можно отметить, что поскольку именно человек является своеобразным посредником между языком и речью, последняя предстает в виде проекции языка, пропущенного через фильтр индивидуальности, и вобравшей в себя все специфические черты, характеризующие человека как языковую личность.

Как утверждал В. фон Гумбольдт, изучать следует «функционирование языка в его широчайшем объеме – не просто в его отношении к речи и к ее непосредственному продукту, набору лексических элементов, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия» [5, с. 75]. Язык, таким образом, не существует вне человеческого сознания, мышления, которые и должны становиться объектом изучения. Вне человеческого сознания не существует языка; все особенности последнего должны рассматриваться лишь в контексте мыслительных способностей. Ср. также со следующей точкой зрения: «взятый в субъекте (выделено автором), язык выступает в единстве с сознанием, речь выступает в единстве с мышлением. Субъект пользуется языком, т. е. знаковой системой, но его деятельность при этом является не знаковой (символической), а отражательной деятельностью: использование знаковой системы включается в отражательную деятельность [2, с. 44]. Соответственно, рассматривать «как реальную величину» следует «не язык, абстрагированный от людей, но человека как носителя языкового мышления» [3, с. 482].

Э. Бенвенист настаивал на том, что «нельзя ограничивать всю лингвистику описанием языковых форм», т. к. «при подобном подходе за бортом оказывается сам человек, личность, порождающая и воспринимающая речь» [1, с. 104]. Говоря о разнообразии, которым отличается спектр применений языка, автор указывает, что:

– во-первых, за исключением специальных лингвистических исследований, сам факт языка при этом остается, как правило, неосознанным, поскольку мы очень слабо отдаем себе отчет о действиях, выполняемых нами в процессе говорения;

– во-вторых, мыслительные операции независимо от того, носят ли они абстрактный или конкретный характер, всегда получают выражение в языке.

Мыслимое приобретает форму, лишь материализуясь в речи. Содержание мысли оформляется языком как целостной системой, и не может абстрагироваться от языка, который организуется как упорядоченный набор единиц разного порядка. Эта большая структура, включающая в себя меньшие структуры нескольких уровней, и придает форму содержанию мысли.

Каждый из элементов, входящих в свободные сочетания, образуемые при речевой деятельности, в подавляющем большинстве случаев совпадает со своей традиционной формой, что освобождает нас от запоминания значений бесчисленных комбинаций слов. Каждый элемент речи в отдельности, таким образом, не воспринимается как обособленный, но при этом, в речевом потоке он имеет строго ограниченную функцию, определяемую его синтаксической формой. Тем не менее, комбинаторика элементов речи – прерогатива не только замкнутой, системной структуры языка, но и творческой потенции автора речевого высказывания. О. Есперсен говорил об этом так: «Язык – это совокупность навыков, привычных действий, а каждое слово и каждое произнесенное предложение есть сложное действие со стороны говорящего. Большая часть этих действий определяется тем, что говорящий сам делал в подобных ситуациях, а последнее, в свою очередь, тем, что ему приходилось неоднократно слышать от других. Но в каждом конкретном случае <...> говорящему приходится применять языковые навыки к данной ситуации, чтобы выразить то, что во всех подробностях никогда до этого не выразилось» [7, с. 28]. В каждом речевом акте, таким образом, обязательно присутствуют две стороны: одна, связанная с требованиями системы, вне которой речевой акт стремится к превращению в набор слов, не несущих за собой понятного для собеседника смысла, и другая, позволяющая каждой языковой личности реализовать собственный творческий потенциал в высказывании.

Важной особенностью восприятия является имманентная (имплицитная) позиция наблюдателя, скрыто присутствующая в конструируемом образе. В описании окружающей физической и социальной действительности, событий собственной жизни и жизни других людей имплицитно присутствует позиция наблюдателя, ценностные ориентации, системы мотивов и культурно-исторические формы категоризации которого обуславливают то содержание, которое он способен выделить из многообразия наблюдаемого мира [13, с. 157 – 160]. Данные наблюдений преломляются через призму сознания человека и преобразуются под влиянием биологических особенностей сенсорных механизмов, жизненного опыта и эмоционального состояния. Время как понятийная категория, являясь представлением человека о смене событий в объективном мире, выступает как отраженная

сознанием реальность. Е. Б. Жулина предлагает гипотезу существования трех способов когнитивной категоризации ситуации: 1) непосредственный чувственный опыт; 2) предшествующий опыт; 3) структуральное знание, абстрагированное от первоначального источника восприятия. Соответственно, устанавливаются три типа коммуникативных ролей, выступающих в качестве источника знания: коммуникант, описывающий непосредственно воспринимаемую ситуацию – наблюдатель воспринимающий; коммуникант, описывающий более не наблюдаемую ситуацию по памяти – наблюдатель вспоминающий; коммуникант, рассуждающий без опоры на непосредственный или предшествующий чувственный опыт, то есть выступающий как субъект структурального знания – говорящий [9, с. 16].

Таким образом, каждое речевое произведение, так или иначе, несет на себе отпечаток лица производящего – его целеполагания, установки, особенности житейского и социального опыта, языковые и мета-языковые знания неизбежно присутствуют в каждом высказывании. Естественно, что категории, как и человеческое сознание в целом, не являются статичными, им присуще постоянное развитие. А. Я. Гуревич, анализируя в своей работе примеры различий в представлениях европейцев средних веков и современного человека, пишет следующее: «мы имеем в виду такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому... Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода «модель мира» – ту «сетку координат», при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [6, с. 15].

Получающий свое воплощение в речевой деятельности образ картины мира непосредственно связан с одним из базовых понятий, которыми оперирует антропологическая лингвистика, понятием языковой личности. Н. Д. Голев определяет языковую личность как носителя «языковой способности определенного качества, данного ей изначально и далее развиваемого в соответствии с заложенным в ней потенциалом. Как следствие такого понимания, в роли главного системообразующего параметра типологии языковых личностей выступает ментально-психологический аспект языковой способности» [4, с. 10]. При такой интерпретации языковая личность не отождествляется с языковой способностью, поскольку структура ее, помимо «изначальной» языковой способности, предполагает наличие приобретенных компонентов:

а) впитанного вместе с усвоением языка коммуникативного опыта в его разнообразных проявлениях (прежде всего социально-коммуникативном и культурно-языковом);

б) индивидуального опыта и преломленного в нем коллективного опыта, который аккумулирован в языке и в известном смысле навязывается носителю языка как индивиду;

в) «багажа», приобретенного в результате обучения и самообучения языковой личности [там же].

Главной задачей лингвоперсонологического исследования выступает выделение параметров, на основании которых могли бы быть сформированы типы языковых личностей и, в дальнейшем, создание типологической системы, позволяющей более или менее четко стратифицировать любой поддающийся анализу «объект», указав его место в системе. Закономерно и то, что любая такая система не может быть дискретной, поскольку, как было сказано выше, каждый отдельный случай подразумевает наличие как индивидуальных, так и социальных признаков. Тем не менее, можно говорить о неких усредненных, стандартизированных типах, характеризующихся стабильной частотностью.

Люди, пользующиеся одним и тем же языком, мыслят по-разному, так как индивидуальный речевой потенциал каждого носителя языка безгранично вариативен. То, что закреплено нормами в языковом стандарте, вовсе не обязательно служит для отображения одних и тех же мыслей и чувств разных носителей языка. Формирование смыслов, равно как и образование форм, таким образом, является прерогативой языковой личности – единственно возможного творца языка в любой момент его развития. Комплекс условий, влияющих на образование новой семантики и грамматических форм объективации задается индивидуальными характеристиками говорящего, которые находятся в прямой зависимости как от лингвистических (языковая компетенция), так и экстралингвистических (социальных, культурных и пр.) факторов.

Выбор автором, решающим коммуникативную задачу, синтаксических структур и грамматических категорий – результат сугубо личностных предпочтений и (возможно, неосознанных) процессов, формирующих идиолект. Результат взаимодействия того набора черт, что могут считаться значимыми характеристиками языковой личности. Объясняя механизм выхода человека на картину мира через язык, А. А. Залевская указывает, что «в фокусе внимания индивида находится смысл сообщения, в то время как средства выражения этого смысла (в норме) функционируют именно как средства, «инструменты», которые, будучи в достаточной мере освоенными, не замечаются нами до того момента, когда произойдет какой-то сбой или потребуются целенаправленный (специфический) выбор или анализ каких-то средств» [10, с. 12].

Поскольку предметом рассмотрения в данной работе является функционирование форм грамматической категории времени в описании произведения живописи, а исходной презумпцией – лингвоперсонологическая обусловленность реализации грамматических значений в речи, можно предположить следующее:

1. Поскольку грамматические категории обладают имманентной внутренней вариативностью, выбор конкретной формы (совокупности форм) является прерогативой автора речевого произведения и, опосредованно, раскрывает для реципиента авторскую картину мира. Так, видовременные формы указывают на восприятие описываемого в динамическом развитии, либо в режиме стоп-кадр, когда событие изображается как статичная картинка. Совершенно очевидно, что даже в случаях с грамматическими катего-

риями, предоставляющими автору речи гораздо меньшую свободу выбора, имеется возможность варьирования, указывающего на индивидуальные особенности восприятия.

2. С позиций лингвоперсонологии, грамматические парадигмы представляют собой двусторонние сущности. Во-первых, и это является основой для традиционалистского, систематологического подхода, в парадигмах присутствует отражательность по отношению к ситуации (объективной, коммуникативной). Во-вторых, присутствует и антропо-/персоно-сторона (термин Н. Д. Голева), т. е. выбор формы в некотором смысле существует априорно в сознании говорящего, его картине мира. Как частные актуализации, так и нейтрализация парадигм зависят от картины мира априори по отношению к коммуникативному акту. Важным в данном случае является то, что речь идет не о произвольном, возможно осознанном, придании определенной стилистической окраски речевому произведению, а именно о реализации индивидуальной – укладываемой, однако, в общую типологическую систему – картине мира, что и должна доказать статистика экспериментов.

3. В развитие предыдущего тезиса в ракурсе конкретной грамматической категории – грамматического времени, уместно привести следующее определение темпоральных отношений, широко бытующее в лингвистике: «темпоральность (языковое время) – это своеобразная двуплановая объективно-субъективная категория, которую можно представить как особую форму познания мира, сочетающую в себе свойства реального, перцептуального и индивидуального времени», а «время, передаваемое средствами языка, – это отражение реального времени через посредство времени перцептуального» [14, с. 26 – 27]. Обращает на себя внимание то, что во втором определении индивидуальное время фактически сливается с перцептуальным, граница между ними становится прозрачной. Ср. с еще одним определением времени перцептуального как «времени, отраженного в культуре, обществе и индивидуальном сознании...», играющем «исключительную роль среди когнитивных структур и процессов, участвующих в восприятии реального мира. С его помощью реальный мир трансформируется в «проецируемый мир», который и является доступным человеческому сознанию» [там же, с. 24 – 25]. Индивидуальное время, таким образом, уходит на абсолютную периферию, что, однако, противоречит собранному экспериментальным данным. Как раз в формировании языкового времени (и, соответственно, хронотопа речевого произведения) индивидуальное время – картина мира, существующая в сознании автора априорно, вне зависимости от конвенциональных норм – играет наиболее выраженную роль.

Перейдем непосредственно к материалу и результатам анализа. В сети Интернет было отобрано 14 наиболее популярных, топовых ресурсов, посвященных описанию картины В. И. Сурикова «Боярыня Морозова». Количественно отобранные сетевые ресурсы делаются ровно пополам: школьные сочинения на заданную/свободную тему [19; 21; 22; 23; 24; 25; 26] и ресурсы, имеющие большее или меньшее отношение к искусствоведению, критике, научному (в данном

случае, семиотическому) анализу и претендующие на некую степень энциклопедичности [15; 16; 17; 18; 20; 27; 28]. Сайты, предоставляющие копии текстов, имеющихся в отобранных ресурсах, не рассматривались. Первичность публикации текста на том или ином ресурсе не устанавливалась.

Анализ текстов, размещенных на обследованных сайтах, показывает следующее.

1. В описании картины очевидно безусловное преобладание симультанного видения ситуации. Авторы текстов используют глагольные формы настоящего времени и причастные несовершенного вида, концентрируясь на определенных фрагментах картины: «сидит юродивый; сидит Морозова; она обращается к народу» [18], «видим женщину ... полулежащую на саях-розвальнях; В толпе, окружающей сани, мы видим людей разных сословий и положений в обществе. Одни ей сочувствуют, другие – насмехаются; бунтарку везут на допрос; свист мальчика, бегающего за саями» [22], «Действие происходит на одной из московских улиц. Феодосия Морозова одета в чёрный балахон. Одной рукой она держится за сани; Вокруг саней толпится народ; справа стоят женщины с платками в руках – они плачут» [26], «тяжело едут сани, оставляя глубокие следы полозьев» [24]. Немногочисленные указания на события, непосредственно предшествующие изображенной ситуации, осуществляются при помощи причастий совершенного вида «вскинувшая руку; разделившая судьбу» [17], «тепло укутанная от мороза» [23], «руку, сложенную двуперстным крестом» [15]. Как видно из приведенных здесь цитат, использование данных форм не несет собственно таксисного значения, можно говорить, скорее, о семантике результативности.

2. Формы прошедшего времени в описании самой картины единичны и так же результативны по своей семантике, ср.: «Кто-то пришел посмеяться» [22], «народ даже в такой холод вышел из дома» [26], «в отчаянии скрестила руки на груди девушка в вышитой шапке» [27]. Тем не менее, в работах авторов, знакомых с историческим контекстом изображенного сюжета и/или с историей создания картины, претеритные формы используются намного чаще. Описывается, тем не менее, в данных случаях не сама картина: прошедшее грамматическое время задает экскурс в историю, ср.: «Сначала Суриков написал» [27], «на лице каждого Суриков изобразил» [23] и т. д. Большой частью формы прошедшего времени обнаруживаются во второй группе текстов (посвященных искусству, живописи, научному анализу). Важно отметить, тем не менее, что ретроспектива изображенного на картине сюжета никак не озвучена авторами анализируемых текстов. Можно сказать, что «предыстория» запечатленного кистью художника остается незамеченной.

3. Прогностическое прочтение сюжета представлено в 4 источниках в анализируемом массиве

материала: «возможно, она тоже староверка, но, скорее всего, ей всё равно, кто победит, – выигравшего она признает правым», «все это её ждёт впереди, ведь она тоже не собирается отказываться от своей веры» [23], «Толпа пропустит ее возок и разойдется», «именно из этой молодежи сформируются будущие революционеры», «он проявит себя в полной красе и силе», «Еще шаг и шальной мальчишка врезается в спокойно стоящую впереди фигуру сверстника <...> сумеет ли он проскочить возникшее препятствие», «народ <...> будет оплакивать ее горемычную судьбу» [28], «Скоро ей придется сменить бархатные черные боярские одежды на грубое одеянье», «они оба пойдут до конца...», «Сама икона <...> не избавит от гонителей» [24], «Это событие не забудется завтра, оно оставит в душах неизгладимый след» [15]. Следует упомянуть, что перечисленные 4 источника также дают информацию об истории создания картины и историческом контексте изображенного сюжета, вследствие чего здесь задействовано и более значительное число форм прошедшего времени.

Анализ показывает, что формы настоящего времени в рассмотренных описаниях картины В. И. Сурикова «Боярыня Морозова» имеют абсолютное количественное превосходство. Авторы описывают сюжет картины как происходящий «здесь и сейчас», и наблюдатель, не являясь включенным, фиксирует детали фрагментарно, фокусируя внимание на различных участках полотна. Попытки ретроспективного анализа единичны, их семантика скорее результативна, чем таксисна. Несколько более частотными, хотя и представленными в ограниченном числе описаний, являются футуральные формы, вносящие элемент прогностического видения.

Представляется интересным сравнить эти данные с результатами эксперимента, в котором использовался текст с открытой темпоральной структурой [11]. Как было выяснено, доминирующим типом темпоральной языковой личности при работе с текстом такого типа является ретроспективный. Следующим, значительно уступающим по частотности, предстаёт тип с проспективной ориентацией. Наконец, симультанный тип имеет наименьшее распространение. Результаты описываемого в этой работе анализа диаметрально противоположны: наиболее частотным является симультанное «прочтение» произведения искусства как культурного знака, имеющего временную организацию; ретроспективное воссоздание событий, предшествовавших сюжету картины, имеет ничтожный удельный вес. Прогностика, хотя и представлена более значительно, нежели ретроспекция, значительно уступает симультанной модели восприятия. Таким образом, выбор стимула, порождающего речевое произведение, имеет огромное значение при установлении типологической принадлежности языковой личности и создании собственно лингвоперсоналогической типологии.

Литература

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М., 1974.
2. Богин, Г. И. Уровни и компоненты речевой способности человека / Г. И. Богин. – Калинин: Изд-во КГУ, 1975.

3. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М., 1963.
4. Голев, Н. Д. Языковая личность как носитель языковой способности / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография; под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006.
5. Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984.
6. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М., 1972.
7. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Изд-во Иностран. лит., 1958.
8. Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания. – М., 1964. – № 6. – С. 26 – 38.
9. Жулина, Е. Б. Категории времени и вида в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Б. Жулина. – СПб, 2006.
10. Залевская, А. А. Концепт как достояние индивида / А. А. Залевская // Психолингвистические исследования слова и текста: сб. науч. тр. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002.
11. Кузнецов, Д. В. Грамматическая темпоральность в лингвоперсонологическом аспекте / Д. В. Кузнецов // Филологические науки. – 2007. – № 5. – С. 50 – 59.
12. Наумов, В. В. Лингвистическая идентификация личности / В. В. Наумов. – 2-е изд. – М.: КомКнига, 2007.
13. Петренко, В. Ф. К проблеме построения образа мира: психосемантический аспект / В. Ф. Петренко // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: сб. ст. // Ин-т языкознания РАН. – Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005.
14. Тарасова, Е. В. Время и темпоральность / Е. В. Тарасова. – Харьков: Основа, 1992.

Источники примеров

15. Боярыня Морозова / Art on Web – художники в сети. – Режим доступа: <http://art-on-web.ru/surikov/-pictures/2658> (дата обращения: 31.01.2013).
16. Боярыня Морозова / Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D1%8F%D1%80%D1%8B%D0%BD%D1%8F_%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0 (дата обращения: 31.01.2013).
17. Боярыня Морозова Суриков картина / Арт Планета Small Bay. – Режим доступа: http://smallbay.ru/-artussia/surikov_boyarinya_morozova.html (дата обращения: 31.01.2013).
18. Боярыня Морозова. Описание картины. Картины великих художников / ArtRussia. – Режим доступа: http://www.artussia.ru/russian/artists/bio.php?rarity=1&about_p=1&pic_id=33&foa=f&list=1 (дата обращения: 31.01.2013).
19. Впечатления от картины в Третьяковской галерее («Боярыня Морозова») / Litra.RU. – Режим доступа: <http://www.litra.ru/composition/get/coid/00011901184864217265> (дата обращения: 31.01.2013).
20. Картина Боярыня Морозова Суриков В. И. / Art-Portrets.ru. – Режим доступа: http://www.art-portrets.ru/-boyarinya_morozova.html (дата обращения: 31.01.2013).
21. Описание картины В. Сурикова «Боярыня Морозова» – сочинение / Антисочинение. – Режим доступа: <http://antisochinenie.ru>
22. Описание картины Сурикова «Боярыня Морозова» / Litra.RU. – Режим доступа: <http://www.litra.ru/-composition/get/coid/00032801184864162588> (дата обращения: 31.01.2013).
23. Свободная тема "Сочинение по картине" – сочинение "Перед картиной В. Сурикова «Боярыня Морозова»" / MYSOCH.ru. – Режим доступа: http://mysoch.ru/sochineniya/svobodnaya_tema/_story/sochinenie_po_kartine/pered_kartinoi_vsurikova_boiarinia_morozova/ (дата обращения: 31.01.2013).
24. Свободная тема "Сочинение по картине" – сочинение "Перед картиной В. Сурикова «Боярыня Морозова»" / Школьные сочинения по литературе. – Режим доступа: <http://sochineny.narod.ru/index-27007.htm> (дата обращения: 31.01.2013).
25. Сочинение по картине. Описание картины В. И. Сурикова «Боярыня Морозова» / Детский сад.ру. – Режим доступа: <http://www.detskiysad.ru/art/kartina165.html> (дата обращения: 31.01.2013).
26. Сочинение-описание картины В. И. Сурикова «Боярыня Морозова» / Проект Цепковой Евгении. – Режим доступа: http://www.sch1262.ru/words/index_letter_3.htm (дата обращения: 31.01.2013).
27. Суриков. Боярыня Морозова / Художник Илья Клейнер. – Режим доступа: <http://www.ikleiner.ru/lib/-treyakovka/treyakovka-0067.shtml> (дата обращения: 31.01.2013).
28. Цагараев В. Василий Суриков – живописец и философ / Анахарсис. – Режим доступа: http://www.-anaharsis.ru/semiot/art_m/sur_7.htm (дата обращения: 31.01.2013).

Информация об авторе:

Кузнецов Дмитрий Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 1 КемГУ, 8(3842) 75-00-39, kuznetsov2610@yandex.ru.

Dmitry V. Kuznetsov – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English Philology № 1, Kemerovo State University.